

Культурно-языковая интерференция в традиции староверов Болгарии*

В основу работы легли материалы, собранные автором в полевых экспедициях в с. Казашко, область Варны, в 2006-2012 гг. На основе исследования языка и народной традиции русского старообрядческого села в Болгарии определить архаическую культурно-языковую основу (связь с коренной русской традицией) и заимствованные черты, обусловленные славянским влиянием (в нашем случае южнославянским, – в контакте с болгарской традицией) и инновациями, связанными с процессами глобализации.

Можно констатировать, что в настоящее время влияние болгарской традиции на культуру и говор старообрядцев существует и затрагивает многие уровни. Увеличение числа смешанных браков и обучение на болгарском языке способствует сужению сферы употребления говора, вытесняя его на периферию коммуникативного процесса и способствуя его постепенному исчезновению.

Несмотря на изолированность староверов в прошлом, в последние годы, после реформ посткоммунистического периода, общность стала заметно более открытой. Благодаря процессам глобализации, социальным, экономическим и этнокультурным изменениям в Болгарии, непосредственно затрагивающим меньшинство, в среде старообрядцев влияние окружающей близкородственной болгарской культуры и языка становится все ощутимее, взаимодействие проявляется не только во внешних формах, но отчасти затрагивает и содержание культуры казаков-некрасовцев. В эпоху посткоммунизма трансформации коснулись социальной сферы (изменение системы традиционных занятий, отход от рыболовства, в частности), семейных отношений (смена гендерных ролей), культуры (появление новых праздников, в особенности болгарских), и языка, что приводит к переосмыслению и системы ценностей.

Ключевые слова: староверы Болгарии, русские диалекты, традиционная культура, календарные обычаи, семейная обрядность, свадьба, языковая интерференция, заимствования

Е. С. Uzeneva

Cultural and linguistic interference in the tradition of the Old Believers in Bulgaria

The research is based on materials collected by the author during field expeditions in Kazashko village, Varna area, in 2006-2012. Based on the examination of language and national traditions of Russian Old Believers village in Bulgaria the author defines an archaic cultural-linguistic basis (connection to indigenous Russian tradition), borrowed features, caused by the subsequent slavic influence (in our case, South Slavic – in contact with the Bulgarian tradition) and innovations of globalization.

It is certain that nowadays the influence of Bulgarian tradition on the culture and the dialect of Old Believers exist on many levels. The increase in number of mixed marriages and education in Bulgarian language lead to dialect usage decrease, pushing it out of communicative process and facilitating its gradual disappearance.

* Авторская работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 14-04-00592а «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности: этнокультурная и этноязыковая ситуация – языковой менеджмент – языковая политика», рук. Г. П. Нешименко.

Despite disconnection of Old Believers in the past, more recently, after the reforms of post communism period, the community became considerably more open. Due to globalization processes, social, economic and ethno-cultural changes in Bulgaria, directly affecting minorities, influence of surrounding closely related Bulgarian culture and language within Old Believers community became more evident. Interaction is shown not only in external forms, but partly involves the subject matter of Kazaks culture. During post communism era the transformation has affected social sphere (traditional crafts change, retreat from fishery, in particular), family relations (gender roles transition), culture (new holidays occurrence, Bulgarian in particular) and language, which leads to re-thinking the set of values.

Keywords: Old Believers in Bulgaria, Russian dialects, traditional culture, calendar customs, family rituals, wedding, language interference, borrowings.

По истории староверов Болгарии написано много литературы. Данные сёла всегда привлекали внимание болгарских и российских исследователей. Изучалась история их заселения [6; 7; 15; 17; 20; 25; 30], особенности быта [1; 9; 22; 11], занятий и материальной культуры [23], характер [24], религиозные представления [2; 3; 4; 5]. Наибольший интерес ученых вызывал фольклор старообрядцев [21; 27; 14], в частности свадебный [10]. Другим обычаям уделялось меньше внимания.

В 2000-х гг. старообрядцев в Болгарии изучали главным образом этнографы, исследовавшие отдельные фрагменты их традиционной культуры: церковные обычаи, семейную, календарную обрядность, мифологию, идентичность [26; 18; 19; 8].

Говором русских старообрядцев Болгарии ученые занимались значительно меньше. Болгарская исследовательница М. Леонидова посетила с. Казашко в 1970-х гг. и издала статью о говоре [16], но ее записи не нашли широкого отклика и в настоящее время оказались забыты. Клаус Штайнке проводил активные полевые исследования говора болгарских староверов в 1980-е гг. Его наблюдения нашли обобщение в ряде статей, в частности [28], и монографии [31]. В 2006 г. была осуществлена совместная экспедиция Л. Л. Касаткина, И. И. Исаева и К. Штайнке в Казашко и Татарницу, результаты которой опубликованы: К. Штайнке интересовала социолингвистическая ситуация в с. Казашко двадцать лет спустя [29], тогда как Л. Л. Касаткин проанализировал особенности говора с. Татарница [12].

В настоящем исследовании мы попытались на основе обследования языка и народной традиции русских старообрядческих сел в Болгарии определить архаическую культурно-языковую основу (связь с коренной русской традицией) и заимствованные черты, обусловленные славянским влиянием (в нашем случае южнославянским, – в контакте с болгарской традицией) и инновациями, связанными с процессами глобализации. Поскольку глубокие исследования болгарских староверов проводились уже давно, в 80-е, 90-е гг. прошлого века, то в XXI в., в период бытности Болгарии в ЕЭС, в условиях глобализации, нам представлялось интересным выяснить, как адаптируются староверы к новым условиям жизни, воспринимаются ли они их как кризисные, какие механизмы задействованы в этой интеграции.

В основу работы легли материалы, собранные автором в полевых экспедициях в с. Казашко, область Варны, в 2006–2012 гг. Выбор для статьи одного старо-

обрядческого села Болгарии был предопределен несколькими причинами. Во-первых, данная община проживает вне территории митрополии уже почти 300 лет. Во-вторых, носители говора не изучали русский литературный язык, раньше детей обучали грамоте родители по церковнославянским книгам дома или священнослужители в церковно-приходской школе. В-третьих, данная этноконфессиональная группа существует в иноязычной и инокультурной среде, родственной славянской (болгарской). Именно поэтому нам было интересно проследить, каковы же процессы и результаты взаимного влияния данных языков и культур в динамике.

Согласно данным ученых, изучавших староверов данного региона, старообрядческие общины Болгарии сохраняли замкнутость, самобытность и говор вплоть до 90-х гг. XX в.¹ Стабильность сообщества достигалась благодаря строгим правилам жизни: закрытости общины, запрету на смешанные браки, сохранению традиционной культуры и социальной престижности говора.

История казаков-некрасовцев связана с религиозной и политической борьбой в России в XVII в. и ведет свое начало от восстания под предводительством Кондрата Булавина в 1707–1709 гг. После его поражения началось долгое странствие казаков под предводительством Игната Некрасова: с Дона они бежали на Кубань, затем в 1740 г. в Турцию, где местная власть расселила их на пустовавших землях дельты Дуная и Малой Азии.

Многолетние миграции общности были обусловлены изменениями социально-политических условий в тех государствах, где они находились. Если в прошлом причины, заставлявшие староверов оставлять насиженные места, были религиозно-политическими, то в настоящее время это экономические (отсутствие работы) и социально-демографические (отсутствие брачной пары подходящего возраста и конфессии) причины. Данные явления приводят к массовым миграциям женщин и молодежи в соседние регионы и страны с целью поиска работы, тогда как мужчины и старики остаются в селах. Это влияет и на смену гендерных ролей в семье: вместо традиционной патриархальной модели формируется новая, современная, где главенствующую роль играет женщина, которая зарабатывает деньги, содержит семью, организует жизнь детей и пр. На примере семей наших информантов данная ситуация проявляется наиболее отчетливо.

В настоящее время старообрядцы в Болгарии проживают компактно на северо-востоке страны в двух селах: Татарица (в обл. Силистры, сев. Добруджа), заселенном в конце XVIII в., и Казашко, основанном в 1905 г. на северном берегу Варненского озера в 7 км от Варны (здесь теперь стоит памятник) семьей Матвея Русова, бежавшей в Турцию из румынского села Сарикей. Позднее здесь поселились и другие староверы из Румынии (из Тулчи, Журиловки, Каркалиу), откуда местные казаки впоследствии предпочитали брать себе невест, а также переселенцы из Малой Азии, с острова Мада и озера Майнос в Турции. В 1908 г. село было признано населенным пунктом указом царя Фердинанда и получило имя Казашка махала. Основным занятием селян было рыболовство, здесь не за-

¹ См. подробную библиографию в монографии Е. Анастасовой [5:11-15].

нимались земледелием и почти не разводили скот. После 1945 г. большая часть населения в процессе репатриации переселилась в Советский Союз.

Хотя часть жителей являются представителями «беспоповского» направления старообрядчества (они называют себя *хатники*, так как церковные обряды совершали в доме), а роль священника и старосты здесь выполнял дьяк, в селе с 1935 г. существует церковь Покрова пресв. Богородицы, о которой заботилась и где за отсутствием священника служила по праздникам местная женщина Феврония Критска. В селе проживают и последователи «поповского» направления (*белокриничники*) из Татарицы, а сельская общественность после ухода «на пенсию» дьяка Кузьмы изъявляет желание привлечь в церковь священника. Сохраняются связи с митрополией в Румынии (Браила) и Древлеправославной церковью в Москве (новозыбковские «беглопоповцы»). Теперь сюда приезжают служить и «довершать» церковные обряды (крещение, венчание) священники из России и Румынии.

Ранее закрытость данной культуры определялась такими основополагающими противопоставлениями как оппозиции старое/новое, «свое»/«чужое», базирующиеся на этноконфессиональных различиях. Идентичность общности формировалась несколькими маркерами: религиозным (вероисповедание), локальным (место проживания), языковым (говор). На шкале времени информаторы разделяют свою жизнь на два периода – «раньше» (до реформ) и «сейчас» (после). В пространственной перспективе деление касается «своего» и «чужого» пространства. Группа характеризует себя с помощью различных культурных кодов: пищевого/кулинарного, музыкального и танцевального, кода одежды, кода праздников/обрядов и др.

До 50-х гг. XX в. село Казашко было чисто русским, в 2006 г. среди жителей было 60 % казаков и 40 % болгар, в настоящее время в нем проживает более 400 человек. По неофициальным данным, староверов на 2012 г. осталось 10-15 человек, а по переписи населения 2011 г. только один записался старообрядцем. Ранее в селе существовала славянская школа, где дьяк обучал детей церковно-славянскому языку. В 1952 г. возникла сельская начальная школа до 4 кл., где преподавали болгарские учителя, но сейчас она закрыта. В настоящее время в селе нет школы, дети ездят учиться в болгарскую школу в соседнее болгарское село Тополи, а старшие школьники – в Варну. Обучение детей ведется на болгарском языке.

Важным дополнительным фактором «болгарской экспансии» стали закупка опустевших домов и строительство новых дач болгарскими-горожанами из Варны, которые проживают в селе временно (сезонно) или постоянно (расстояние до Варны всего семь километров), что коренным образом изменило облик села: оно утратило свой моноэтнический характер, болгарский язык стал доминирующим, а русский диалект используется относительно регулярно только немногочисленными старожилками.

В последние годы число смешанных браков увеличивается, в подавляющем числе случаев молодые русские перенимают болгарские обычаи, отмечают также и болгарские праздники, дома часто говорят по-болгарски. Расширению функций и сферы употребления болгарского языка способствовали как эконо-

мические перемены (изменение местного рынка труда: утрата основного ремесла и источника дохода – рыболовства в связи расширением варненского порта и превращением пресноводного озера в соленое, что привело к массовому уходу работоспособного населения в города и за границу в поисках работы), так и политические (развитие демократии в постсоциалистической Болгарии, активная социализация ранее замкнутого сообщества старообрядцев), и религиозные (раскол в религиозной общине староверов).

Среднее поколение еще владеет говором, но использует его крайне редко, только для общения внутри семьи и с родственниками, при условии, что они тоже староверы¹. Дети, хотя и понимают местный диалект, уже не употребляют его, общаясь со старшими на болгарском литературном языке. В селе организованы воскресные курсы русского литературного языка, что также не способствует консервации местного говора. Хотя и раньше говор имел низкий статус в сознании его носителей, так как в школе он конкурировал с русским литературным языком, считавшимся эталоном. Очевидно, что эти факторы не способствовали утверждению местного идиома, а укрепляли позиции русского языка, который раньше был обязательным иностранным языком в болгарских школах. Сейчас его вытесняет английский язык, доминирующий в качестве языка международного общения. В качестве курьеза отмечу, что сопровождавший меня в экспедиции сын-школьник смог объясниться с детьми с. Казашко только на английском языке.

В последние годы, благодаря проникновению спутникового телевидения, у старообрядцев появилась возможность смотреть как русские телеканалы (опять же на русском литературном языке), так и болгарские. Все это естественно приводит к смешению культур и оказывает влияние на язык старообрядцев, способствует сужению сферы употребления говора, вытесняя его на периферию коммуникативного процесса и способствуя его постепенному исчезновению.

Мне довелось познакомиться с семьей Василия Филиппова, иконописца-самоучки, где муж-старообрядец обратил в свою веру жену-болгарку, которая носит традиционный женский костюм (сарафан *шупка*, подпоясанный *кушаком*, блузу *чехлик* и 3-слойный головной убор: *кичка*, *косяк* и *шаличка*) и знает местный говор. Но такие случаи единичны.

В настоящее время мэр села, молодая энергичная болгарка Гергана Иванова, выросшая среди старообрядцев, которую благодарное население уже трижды избирало на этот пост, пытается сохранить культуру казаков, возродить ряд обычаев и создать новые. Так, на Новый год женщины и дети совершают обходы домов, разбрасывая пшеницу с пожеланием будущего урожайного года и приговором: «Сею, вею, посеваю, с Новым годом поздравляю...»². С 2000 г. в селе существует новый праздник «День моряка и рыбака», который является подвижным и отмечается в воскресенье накануне дня Успения Богородицы (15 августа). Отметим, что в начале XXI в. с. Казашко стало открытым для туризма,

¹ Даже во время похорон на кладбище жители села переходили с местного говора на болгарский, как только речь заходила о работе и проблемах повседневной жизни.

² Современные исследования по календарю старообрядцев см. [18].

здесь был создан музейный комплекс «Казачий дом», где проходили представления для туристов и исполнялись русские народные песни и романсы, далекие от старообрядческого фольклора. Эта деятельность стала серьезным источником дохода для селян в период экономического кризиса. В 2007 г. фольклорный ансамбль «Калинушка» с. Казашко был приглашен в Москву на Первый Международный фестиваль русских соотечественников зарубежом.

По мнению диалектологов-русистов, в языке староверов Болгарии «прослеживаются черты Юго-Западной диалектной зоны, которые характерны и для донских говоров, а также отмечается влияние турецкого, румынского и украинского языков» [12, с. 585].

Среди основных особенностей говора с. Казашко можно выделить следующие¹:

- аканье (*варожка, радители, панафида*);
- диссимилятивное яканье у самых пожилых носителей говора (*сестры/систра, нясу/нисла*);
- фрикативное *г* (*булгары, гаварю*) и чередующееся с ним *х* в конце слова (*четвер'х, Бох*);
- произношение на месте фонемы / *w* / звука *ў* в определенных позициях (*ўсе, на лаўку, ў хати*);
- окончание *-ть* в 3 л. ед и мн. ч. глаголов (*гаворить, ходють, читають, паделывають*);
- форма им. п. ед. ч. лексемы *свекруха*;
- появление невозвратных глаголов на месте возвратных литературного языка и наоборот: *он мне панравил; мы любились*²; *он с сыном не поладилися*;
- украинская лексика: *хлопец, трошки, дуже, нима*;
- балканские лексические заимствования: *брынза, плечинда, магарка, казан*;
- болгарские лексические заимствования (в сфере народной медицины, в частности): *шарка* 'оспа', *магариня кашлица* 'коклюш'; в том числе междометия и частицы: *нали, дали, бре, обаче, пък, ами*;
- местоимение *один* выступает в роли неопределенного артикля: *он жил как один монах*³.

Влияние болгарского языка на говор старообрядцев заметно на многих уровнях. В области фонетики и просодии это проявляется в различных менах звуков, например, у *казашкой мауалы* 'в селе Казашко' вместо *махала*; элизия звуков: *Русский – его матерный язык; Он материнный язык не забывает*; перемена места ударения – *паспóрт* вместо рус. *пáспорт*.

В сфере морфологии это может быть изменение рода существительных (*вечер* – рус. сущ. м.р., болг. сущ. ж.р.), частичная утрата склонения существительных: *Купали его в такие травы; Из рот кровь пошла*; аналитическое образование степеней сравнения прилагательных с характерным ударением на словообразовательной частице, ср. *на́йбольший* 'самый большой', *пóстареньки бабушки*

¹ Первоначальная классификация была дана в работе К. Штайнке [29].

² Возможно, это явление возникло под влиянием болгарского языка, срв. *той ми харесва* 'он мне нравится'; *ние се обичахме* 'мы любили друг друга'.

³ Данное явление характерно для болгарского языка.

(болг. *най-голям, но-стар*). В области семантики отмечены семантические сдвиги, например *хеликоптер* ‘стрекоза’ (болг. ‘вертолет’).

Процессы языковой ассимиляции касаются и синтаксиса (например, особое употребление предлога *за* вместо *о, из-за, для* (как в болгарском)¹: *забыли за меня* ‘забыли обо мне’; *ты думаешь за этого человека* ‘ты думаешь об этом человеке’; *утикали за брадобритие* ‘убегали из-за бритья бороды’; *Кузьма и Дамян за учение помогают* ‘Кузьма и Демьян для учения помогают’), а также тех случаев, когда происходит заимствование отдельных конструкций: *На колко годиков был? На годике и три месеца* (болг. *на колко години беше? На една година и три месеца*) и пр.

Явно заметно влияние болгарского языка на говор старообрядцев в сфере праздничной культуры, куда проникает не только повседневная лексика, но и названия праздников (*Бабинден* ‘праздник чествования повитухи’, *Никулден* ‘день св. Николая’), сосуществующие с русскими названиями (*Бабы кашики, Никола*), и обозначения болезней (*шарка* ‘оспа’, *магариня кашлица* ‘коклюш’).

Иногда лексема заимствуется вместе с целым фрагментом болгарской традиционной культуры. Так, от болгар староверы почерпнули поверья об *орисницах*, определяющих судьбу ребенка; «от глаза» стали пришивать к шапочке новорожденного синенькую бусинку *монисту*; научились «разделять» детей-одномесячников, т. е. рожденных в один и тот же месяц, чтобы те росли здоровыми; стали печь лепешку с медом и катать, когда ребенок начинал ходить, отмечая праздник «первых шагов». При избавлении от несчастья ради будущего здоровья и благополучия совершали *бескровный курбан* ‘жертвоприношение’: каждый год в определенный день носили в церковь муку, масло, овощи, совершали службу или читали канон «о здравии, о спасении».

В прошлом на Рождество разговлялись свиным холодцом с хреном, голубцами с мясом и котлетами (*кебаб*), готовили *пирох*. Нередко готовили и сладкий слоеный пирог с тыквой *плечинда*, известный болгарской традиции. В первый день праздника дома посещали *христославцы*: парни во главе с дьяком, славившие в песнях Бога. На *масленую* готовили вареники с брынзой, пирожки и блины; «*стрелу пускали*» – водили хоровод (*карауд*) – ручеек по всему селу.

В селе отмечали и день акушерки *Бабы кашики* или *Бабиндень* по-болгарски (14.01): женщины посещали повитуху, мыли ей руки, одаривали рушниками, пили и ели, потом бабку сажали в сани и возили по селу, напивались и бесчинствовали (сбрасывали головные уборы, дрались, раздевали встретившихся мужчин, которые должны были платить откуп).

Календарная обрядность казаков-некрасовцев связана, главным образом, с церковным календарем, что обусловлено их сильной религиозностью в прошлом. От церкви раньше отлучали за бритье бороды, стрижку волос (у женщин), курение, алкоголь, развод или ссору в семье. Не допускали в храм и без традиционной одежды. Если в доме, над входной дверью которого всегда забит старо-

¹ Нельзя, однако, исключать и влияние украинского языка, и южнорусский характер самого говора.

обрядческий крест, кто-то курил, после этого сразу же белили стены в комнате, считая дым «дьявольским».

Основным праздником села считается Покров. В этот день после службы в церковном дворе дают общесельский обед с традиционными кушаньями, которые относят и больным. В прошлом на праздник, как и на Пасху, трижды обходили село с хоругвями (*фирури*), «освящая его от болезней». Святому Илье молились о дожде во время засухи, совершая обход села. В *Чистый четвер'х'* в полночь ходили на озеро (*лиман*) и обливались водой «чтоб быть здоровыми целый год». На Троицу пол в храме и церковный двор украшали свежескошенной травой и цветами. Особо почитали 5-ю неделю Великого поста – *Марьяна неделя*. В среду (*Марьяно стаянье*) была большая служба, посещение которой сулило отпущение всех грехов.

Наиболее чтимым святым считается св. Николай Чудотворец, покровитель рыбаков, иконки которого всегда брали с собой в море. Этот день (*Николя, Никулден*) считался семейным праздником, для него готовили дома обед, вареники из кефали, жарили рыбу на *скаре* (решетка), делали котлетки.

Среди семейных обрядов наиболее выделяются погребальные. У старообрядцев было принято повивать покойника, как младенца. После похорон кладбище больше не посещали, считалось, что могилки должны сровняться с землей и быть незаметными, чтобы над костями старообрядцев в будущем не глумились. Поминовение совершали только в церкви: служили *панафиду*, делали обед или раздавали *кутью* и булочки *здобники*, пирожки с сыром и мясом. Кладбище разделено на восточную часть, где хоронят староверов, и западную, куда зарывают некрещеных, самоубийц, поповцев и болгар. Теперь под влиянием болгарской традиции на кладбище ставят памятники, которых раньше не было, сажают цветы на могилах, соблюдают траур (*жалуют* на болгарский манер), носят черное, плачут о покойном (раньше не было принято), даже вывешивают некрологи на улицах, отличающиеся от болгарских лишь наличием восьмиконечного старообрядческого креста.

Что касается свадебного обряда, то он в настоящее время проходит часто по болгарскому образцу. В с. Казашко в 60–70-е гг. XX в. при смешанных браках с болгарами свадебный обряд еще сохранял свой русский характер. Позднее под влиянием болгарских обычаев и из-за тесных контактов с некрасовцами и старообрядцами из России и Румынии отдельные обрядовые акты сливались в одно целое, например, сватовство с *запоем* ('помолвкой'), *девишник* соединился с *околишной* и днем венца в общий ритуал, совершаемый в день свадьбы¹.

При смешанных браках болгарская сторона настаивала на пышном сватовстве с большим застольем и подарками, согласно болгарскому обычаю. Зять-болгарин, уважая «закон» старообрядцев, также давал выкуп местным парням в виде вина, когда местные парни приходили *брать околишную*.

Заемствованными элементами в свадьбе можно считать наличие мишуры (серебряных нитей) в головном уборе невесты и украшение обрядового хлеба фольгой,

¹ Подробнее см. статью *Критска-Иванова Е.Ф.* Цит. соч. С. 203.

сладкую водку, приготавливаемую в случае девственности невесты, одаривание невестой гостей букетиками цветов, – все это влияние болгарской традиции.

Таким образом, мы можем констатировать, что в настоящее время влияние болгарской традиции на культуру и говор старообрядцев существует и затрагивает многие уровни. Увеличение числа смешанных браков и обучение на болгарском языке способствует сужению сферы употребления говора, вытесняя его на периферию коммуникативного процесса и способствуя его постепенному исчезновению.

Несмотря на изолированность староверов в прошлом, в последние годы, после реформ посткоммунистического периода, общность стала заметно более открытой. Благодаря процессам глобализации, социальным, экономическим и этнокультурным изменениям в Болгарии, непосредственно затрагивающим меньшинства, в среде старообрядцев влияние окружающей близкородственной болгарской культуры и языка становится все ощутимее, взаимодействие проявляется не только во внешних формах, но отчасти затрагивает и содержание культуры казаков-некрасовцев. В эпоху посткоммунизма трансформации коснулись социальной сферы (изменение системы традиционных занятий, отход от рыболовства, в частности), семейных отношений (смена гендерных ролей), культуры (появление новых праздников, в особенности болгарских), и языка, что приводит к переосмыслению и системы ценностей.

Литература

1. Амосов П. Из живота на рибарите в с. Казашка махала // Народно дело. Г. I. Бр. 223. Варна, 1945.
2. Анастасова Е. При некрасовците в България // Български фолклор. Год. XVIII. Кн. 2. София, 1992, 52-59.
3. Анастасова Е. Земята, земният живот и еволюцията в културната система на некрасовците в България // Българска етнография. Год. IV. Кн. 3. София, 1993, 24-33.
4. Анастасова Е. Некрасовците в България – езици на културата // Българска етнология. Год. XXI. Кн. 2. София, 1995.
5. Анастасова Е. Старообрядците в България. Мит – история – идентичност. София, 1998.
6. Бехметьев П. Към историята на старите руски поселения в сегашна България // Периодическо списание на Българското книжовно дружество в София. Год. XIX. Т. LXVIII. 1907. София, 1908, 294-300.
7. Гочев В.П. Варна. Варна, 1931, 21.
8. Еролова Йелис. Добруджа. Граници и идентичности. София, 2010. С. 189-254 (русите старообрядци).
9. Иванов В. Бегло изследване на бита на староверците // Морски сговор. Бр. 6. 1924.
10. Иванова-Критска Е. Наблюдения върху сватбения фолклор на руските села Казашко, Варненски окръг и Татарица, Силистренски окръг // Български фолклор. Год. 3. Кн. 2. София, 1977, 44-51.
11. Иванова-Критска Е. Старообрядцы // Русские: семейный и общественный быт. М., 1989, 198-220.
12. Касаткин Л.Л. Русский говор села Татарица в Болгарии // Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. М., 2008. С. 116-139.
13. Касаткин Л.Л. Исследование говоров русских старообрядцев в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН // Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. М., 2008. С. 573-608.
14. Кауфман Н. Песни на казаците-некрасовци в България // Българска музика. Кн. № 5. София, 1963, 35-40.

15. Кънчев К. Староверците // Нашето Черноморие. Варна, 1938, 41.
16. Леонидова М. Один восточнославянский диалект в южнославянском окружении. К проблеме лексической интерференции // Славистични изследвания. III. София, 1973. С. 224-230.
17. Миллер Б. К вопросу о некрасовцах-чаршамбинцах // Этнографическое обозрение. № 4. 1902. М., 1903
18. Петрова Лидия, Колева Светлозара. Животът на старообрядците-казаки в село Казашко, Варненско // Делници и празници в живота на българина. Сборник, посветен на 30-годишнината на Етнографски музей – Варна. Варна, 2006. С. 450-461.
19. Петрова Лидия, Колева Светлозара. Митологичните представи и вярвания на некрасовците от село Казашко, Варненско // Известия на народния музей Варна. XLI (LVI), 2005. Варна, 2007. С. 123-133.
20. Пригарин А.А. Русские старообрядцы в Болгарии: новые материалы по истории потомков некрасовцев и липован Добруджы // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. М., 2004. С. 29-35.
21. Романска Цв. Фолклор на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. Филологически факултет. Т. 53. № 2. София, 1959.
22. Романска Цв. Някои етнографски особености на с. Казашко, Варненско и на русите-некрасовци, които го населяват // Сб. В памет на акад. Стоян Романски. Езиковедско-етнографски изследвания. София, 1960. С. 563-589.
23. Романска Цв. Риболовът на русите-некрасовци от с. Казашко, Варненско // Годишник на Софийския университет. ФФ. LIII. 2. София, 1960. С. 353-446.
24. Романски Ст. Народностен характер // Сб. Добруджа. География, история, етнография, стопанско и държавно-политическо значение. София, 1918, 271-274.
25. Смирнов Я.И. У некрасовцев на острове Мада // Живая старина. В. 1. 1896.
26. Съботинова Донка. На една земя, под едно небе. Празници и бичаи на българи, арменци, русите старообрядци, турци и цигани/рома. Варна, 2009. С. 204-258.
27. Томова Е. Проблеми при изучаването на фолклора на русите-некрасовци в България // Литературознание и фолклористика. Сб. В чест на 70-годишнината на акад. П. Динеков. София, 1983, 458-463.
28. Штайнке К. Старообрядцы в Болгарии // Традиционная духовная и материальная культура старообрядческих поселений в странах Европы, Азии и Америки Новосибирск, 1992. С. 153-157.
29. Штайнке К. Говоры староверов в Болгарии двадцать лет спустя // // Русские старообрядцы. Язык, культура, история. Сборник статей к XIV Международному съезду славистов. М., 2008. С. 108-115.
30. Щепотьев В. Русская деревня в Азиатской Турции // Вестник Европы. Год. XXX. Кн. 8, август 1895.
31. Steinke K. Die russischen Sprachinseln in Bulgarien. Heidelberg, 1990.